

18+

АРИНА ЛОРЕЛЬ

Тёмный завоз

Арина Лорель

Тёмный завоз

<https://litres.ru/74504373>

ISBN 9785007131452

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

Ноябрь 2025 года. Порт Восточный. Бригада «тёмных» разгрузчиков вскрывает контейнер с надписью «MEDICAL SAMPLES». Внутри — не вакцина и не оружие. Внутри — серый человек с чёрными глазами, который помнит всё. И который не один.

Семь с половиной миллионов долларов за контейнер — это не товар. Это эксперимент. Частный консорциум нашёл способ управлять людьми через ненависть, но ненависть нельзя контролировать. Она сама выбирает цель.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Тёмный завоз	5
Глава 1	18
Глава 2	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Тёмный завоз

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0071-3145-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тёмный завоз

Пролог

Порт Восточный. Ночь с 16 на 17 ноября 2025 года.

Время — без пяти два. Время, когда даже крысы спят, а у людей, которые не спят, никогда не будет чистых снов.

Дождь лупит по контейнерам так, будто кто-то наверху решил забить весь мир ржавыми гвоздями. Прямо, наискось, с задувами — вода просачивается под воротники, в рукава, в сапоги. Пахнет солью, соляжкой, тухлой рыбой, сырым бетоном и окалиной. И ещё чем-то кислым, маслянистым — этот запах Серый знает слишком хорошо. Он чуял его в Шанхае на подпольном складе, в Находке у причала №6, когда груз оказывался «мокрым». «Мокрый» — не значит влажный. «Мокрый» — значит с кровью, с потом или с тем, что остаётся после того, как живое становится неживым.

Сейчас он снова здесь. Под этим ноябрьским ливнем, который смывает всё — следы, запахи, улики, — но не этот привкус на языке. Привкус железа и чужой агонии.

Бригада «тёмных» — без документов, без имён, без страховки — ждёт сигнала третий час. Две «Тойоты» с тонировкой загнали за километр до ворот, фары погасили, моторы

заглушили. Старший, Серый (паспорт видел последний раз в 2019-м, когда мент на посту в Хабаровске потребовал «показать глаза»), курит шестую подряд. Фильтр размок, табак превратился в кашу, но он всё равно тянет, до кашля, до хрипоты, до чёрной слизи на губах. Табак жжёт горло, но без него он бы уже сорвал голос на крик или на молитву — сам не знает, что страшнее.

Позади четверо. Молодые, злые, голодные.

В хорошем смысле — не место. В плохом — тоже.

Серый окидывает их взглядом, цепким, как лезвие ножа: худые, нервные, дышат громко, даже сквозь шум дождя слышно, как ходит их грудная клетка. Раньше он собирал бригады из старых волков — тех, кто не спрашивает, а делает, кто знает, что молчание дороже золота. Теперь одни сидят, другие сгинули в казахстанских степях или в камерах СИЗО. Остались вот эти — за пять тысяч и бутерброд с варёной колбасой, которую они жуют, давясь и торопясь.

— Номер? — голос сиплый, будто горло наждаком драли, а потом залили уксусом.

Парень с планшетом — прыщавый, в очках из перехода, линзы в царапинах, — тычет в мокрый экран. Чехол дешёвый, пластик треснул, вода внутрь течёт, дисплей глючит и рисует зелёные полосы вместо цифр. Парень матюгается, трёт экран рукавом клетчатой рубахи — мятой, в кофейном

пятне, пуговица висит на нитке. Студент. Матери на операцию надо, стипендия — слёзы, сессия — дырка, жизнь — ноль. Серый видит такие лица уже десятый год: они верят, что одна ночь решит всё. Они ошибаются.

— 47-19-синий, — наконец выдавливают парень, сглатывая. — Из Мьянмы через Манилу. Сказали — внутри «особый».

— Кто сказал?

— Диспетчер. Ну, не диспетчер... человек от них. Голос по спутнику. Сказал — лично вскрывать, не передавать. И чтоб тишина, как в могиле.

Серый сплёвывает. Чёрное пятно расплывается по мокрому асфальту, дождь тут же размывает его в серую лужу. «Особый» — это как русская рулетка, только заряжены все барабаны. Никто не знает, что там, пока не вскроют. И почти всегда — лучше б не вскрывали. Было «особое» оружие — ржавое, с чужой кровью, от которого руки потом не отмыть. Была «особая» химия — в баллонах, без маркировки, от которой через неделю выпадают волосы. А однажды был «особый» контейнер с живым грузом — дети, сбитые в кучу, как селёдка в бочке. Серый тогда три дня не пил, не ел, только смотрел в стену.

— Особый — сколько нулей?

Тишина. Только вода по железу. Где-то гудит судно — низко, басовито, как стон раненого кита. Вдалеке хлопает дверь — то ли ветер, то ли кто-то ходит там, где ходить не должен.

— Семь с половиной, — выдыхает парень. Голос срывается на писк, как у подростка, который первый раз увидел голую бабу и понял, что теперь всё по-другому.

Все замолкают. Даже дождь вроде стих, только воздух стал плотнее, тяжелее. У причала №7 скрипит пустой баркас, его борт бьётся о сваи — глухо, мерно, как маятник. Семь с половиной миллионов рублей — дорого. Семь с половиной миллионов долларов — это не товар, это событие. Это столько, что за эти деньги можно купить маленькую страну или заказать убийство целого клана.

Серый жмурится на секунду. Под веками — красные круги от фар, что погасили час назад. Дрожь в руках не от холода. Он слышит, как кровь стучит в висках — бум, бум, бум, глухо и настойчиво, будто кто-то изнутри пытается выломать череп. Семь с половиной — не цена. Это приговор. Приговор для того, кто вскроет. И для тех, кто увидит.

— Открываем, — говорит он и давит бычок подошвой.

Дождь смывает пепел в щель между плитами. — Быстро. Чисто. Не светим. Работаем по схеме: я первый, Скуфёнок — второй, остальные — страховка. Если кто дёрнется не по делу — урою на месте, потом разберёмся.

— А если там... — начинает пацан с пауком на шее, лет двадцать, но с таким взглядом, будто всё дерьмо мира уже видел, — если там не то, что мы ждём?

— Если что не так, — обрывает Серый, и голос его становится плоским, как старый нож, — делаем ноги. Всё. Никаких «забрать», «посмотреть», «помочь». Бежим, не оглядываясь. Если кто упадёт — не поднимаем. Понял?

Кивают. Слишком нервно, слишком быстро. Серый решает: после этой ночи он больше с новичками не свяжется. Если доживёт. Если они все доживут. А это большое «если», размером с этот контейнер.

Режут болгаркой. Лязг режет ночь, как хирургический скальпель — грубо, но точно. Искры в лужи — шипят, гаснут, оставляют на воде масляную плёнку. Круг, ещё круг. Серый чувствует, как немеют пальцы, как сжимаются челюсти до скрежета. Время растягивается — каждая секунда как час. Он считает удары своего сердца, чтобы не сорваться.

Контейнер поддаётся не сразу. Заусенцы, дешёвая сталь, сварочный шов кривой, но крепкий. Серый бьёт ногой. Раз. Два. На третий — створка отъезжает со стоном, будто живым, будто ей больно, будто она не хотела открываться. Металл скрежещет, и этот звук вязнет в ушах, как мокрая вата.

Запах — как удар.

Сладковато-гнилой. Переспелые манго, тухлое мясо, формалин, медицинский спирт, и ещё что-то приторное, цветочное — как от дешёвых похоронных венков, которые стоят в жару три дня. Всё вместе, и это ещё и подогрето внутренней температурой контейнера — серый пар выходит наружу, клубится в свете фонарей, оседает на лицах.

Серого мутит, но он держится. Сглатывает желчь, зажмуривается на миг. Выплюнешь — покажешь слабость. А слабость в их деле — смерть. Он знает это по себе, по шраму на левом боку, что тянет при сырой погоде.

Скуфёнок — Дима, двадцать четыре, но выглядит на все тридцать восемь, — морщится первым. Его тошнит, но он сглатывает, снова сглатывает, потом трёт рукавом лицо и лезет вперёд с налобным фонариком. Свет тусклый, жёлтый, как от керосиновой лампы. Контейнер внутри похож на инкубатор кошмаров. Вдоль стен — пластиковые ящики, штабелями, в три ряда. На каждом — наклейка: «MEDICAL

SAMPLES. FRAGILE. STORE +2...+8° C». Биоопасность, символ черепа, голографическая маркировка. Холодильники отключены. Индикатор на одном ящике — тускло-красный, в зоне «WARNING». Температура внутри, судя по датчику, плюс двадцать пять.

— Там... — голос Скуфёнка дрожит, и он зажимает рот ладонью, — там человек...

Серый берёт мощный фонарь — тот, за который платили отдельно, немецкий, с линзой, дающей луч как игла. Щёлкает.

В углу, скорчившись, колени к груди, руки на голове — мужчина. Лет тридцати пяти, не больше. Тело худое, жилистое, без рубашки — на груди татуировка, размытая, будто её наносили в спешке. Кожа серая, как старая простыня в морге. Губы чёрные, спекшиеся, в трещинах, из которых сочится что-то тягучее. Глаза открыты, зрачки расширены до предела, радужка почти не видна — только чёрные дыры, в которых тонет свет. На шее — следы укусов. Не звериных. Человеческих. Как огромные засосы, только кожа вокруг мертво-фиолетовая, с синими прожилками, уходящими под ключицы.

— Живой? — шепчет Скуфёнок. В голосе надежда того, кто не видел смерти вживую. Дима из офиса — уволился,

думал, здесь станет человеком, заработает на квартиру, на жизнь, на то, чтобы мать перестала плакать по ночам. Он ещё не знает, что некоторые двери лучше не открывать.

— Не живой, — отвечает Серый. — Но и не мёртвый.

Он сам не знает, почему так говорит. Чует — что-то не так. Слишком дорого для трупа. Слишком много охраны, слишком много шифров, слишком много нулей. Мёртвое тело возят в рефрижераторах, за триста долларов, с квитанцией и печатью. А это — «особый». Это — событие.

Мужчина дёргается.

Не как живой. Не как больной, не как испуганный, не как тот, кто приходит в себя после наркоза. Сначала мышцы не напрягает — просто меняет позу. Мгновенно. Голова поворачивается на девяносто — с хрустом, как сухая ветка, которую переломили коленом.

Из горла — звук. Низкий, мокрый, будто там плещется вода. Кашель утопленника, который уже смирился с водой в лёгких, с тиной, с холодом.

— Бежим, — говорит Серый. И это единственно верное решение за последние десять лет, которое он принимает без колебаний.

Бегут не все. Парень с планшетом смотрит, как серый человек медленно встаёт. Опирается на руку — ладонь чавкает по пластику, оставляя влажный след. Встаёт на четвереньки. Голова всё ещё повернута, и чёрные глаза смотрят прямо на прыщавого мальчишку — не моргая, не двигаясь, просто смотрят, и в этом взгляде пустота. Абсолютная. Как в колодце, где никогда не было воды.

Парень открывает рот, но выдавливая только всхлип. Роняет планшет в лужу — экран вдребезги, осколки разлетаются, как зубы после удара. Пятится, падает, колени в грязь, руки в мокрый песок. Серый видит краем глаза, но не останавливается. Остановишься — сдохнешь. Так работают. Так он выжил в Чечне, так выжил на Колыме, так выживет и здесь, если повезёт.

Через семь секунд бригада разбегается. Топот, лязг брошенного железа, крики — Дима орёт что-то про маму, пацан с пауком матерится матом, но слова тонут в шуме дождя и в этом мокром кашле, который становится громче.

Только Серый стоит.

Ноги не слушаются, будто вросли в асфальт. Он смотрит в глаза серому человеку — и вдруг понимает, что не может отвести взгляд. Что-то держит его за затылок, за позвоноч-

ник, за самое нутро, где спрятан тот самый страх, который он загнал в самый угол двадцать лет назад.

Он его уже видел.

В прошлом году. В морге Владивостока. Когда оформлял утонувшего корейца, с которым работал на контрабанде табака. Тот лежал на соседней каталке. Та же серая кожа, те же чёрные губы, те же чёрные глаза, уже закатившиеся. Только без укусов на шее. Без этих фиолетовых следов, которые теперь пульсируют, мерно и ровно, как вторая жизнь.

— Как звать? — спрашивает Серый. Голос садится, но вопрос висит в воздухе, тяжелый, как якорь.

Серый человек разевает рот. Вместо слова — поток воздуха с чем-то жидким, чёрным, тягучим, что стекает по подбородку и капает на пол. И Серому чудится имя — не звук, не шёпот, а прямое попадание в мозг, как радиосигнал.

— Егор...

Контейнер вздрагивает. Из темноты шевелится ещё что-то — ящики открываются сами, изнутри, с сухим щелчком, как будто кто-то снимает замки. Серый видит, как из одного ящика высовывается рука — такая же серая, с длинными

пальцами, с ногтями, которые черны от запёкшейся крови. Потом вторая. Потом — голова. Не одна. Не две.

Они вылезают, как личинки из коконов, — не спеша, но неумолимо. Их много. И у всех — чёрные глаза и укусы на шее.

Серый бежит последним. Он слышит за спиной не шаги — влажное, чавкающее переступание многих ног, шорох пластика, мокрый кашель, который становится хором.

Он влетает в «Тойоту», захлопывает дверь, дрожащими пальцами вставляет ключ. Ключ не поворачивается. Руль заблокирован. Дворники дёргаются, как в припадке, — скрип-скрип, резина по сухому стеклу, потому что дождь внезапно прекратился. На заднем стекле — изморозь. В ноябре, под тёплым ливнем. На изморози — отпечаток ладони. Пятипалый, чёткий, как на стекле морга.

Серый бросает машину, вылетает наружу, бежит пешком. В темноту, в проходы между контейнерами, к воротам, к выходу, к любой точке, где нет этого запаха. Бежит, пока лёгкие не начинают гореть, пока мышцы не сводит судорогой. Останавливается на пирсе №3 — там, где в прошлом году он грузил китайский ширпотреб. Там пахнет рыбой и дизелем, и это почти успокаивает.

Когда останавливается — в ушах всё тот же кашель. Те-

перь он идёт из земли, из чёрной воды, из его собственной груди, отдаётся в рёбрах. Поднимает голову. Дождь по лицу — холодный, уже обычный, ноябрьский.

Он стоит на том же пирсе. Контейнер — тот самый, синий, 47—19, — открыт настежь. Внутри — пусто. Ни ящиков, ни тел, ни следов. Только влажный пол и пятно на стене, похожее на очертание человека.

И голос за спиной:

— Ты забыл меня, Серый. А я — нет.

Оборачивается. Никого. Пустой пирс, пустой контейнер, мокрый асфальт. Только дождь. Только номер 47—19 на синем борту, и на нём — свежие царапины, будто кто-то пытался выскрести цифры ногтями.

Серый садится на мокрый асфальт. Начинает смеяться — громко, до слёз, до спазмов в животе. Потому что если это сон — он никогда не проснётся. Если явь — он не выживет. А если между — то он уже там, в той серой зоне, где живут эти твари.

Он не знает, что найдут его через четыре дня. Съёжившегося, с седыми прядями, которых не было, с пустым взгля-

дом. Что порт опустеет — рабочие разбегутся, краны замрут, ворота закроют на двойные замки. Что город начнёт меняться — сначала в новостях появится «неизвестный вирус», потом «эпидемия», потом «карантин», а потом и вовсе перестанут выходить репортажи. Что серые люди с чёрными глазами будут искать его — не бегать, не кричать, просто приходить и смотреть, пока он не сломается. Что однажды он откроет дверь прошлому, и оно войдёт.

Всё потом.

А пока — дождь. Гвозди с неба. И этот запах, который теперь будет с ним всегда. Серый закрывает глаза и слушает, как внутри него, где-то в груди, начинает биться второе сердце — холодное, медленное, чужое.

Оно тоже ищет выход.

Глава 1

Владивосток. Через четыре дня после той ночи.

Температура — плюс два, небо серое, как старая вата. Дождь уже не ливень, а мелкая взвесь, которая не мочит, а пропитывает — до костей, до нутра. Город пахнет сыростью, выхлопными газами и страхом. Страх пока не вошёл в каждый дом, но уже стоит на пороге, прислонившись плечом к дверному косяку.

Заражённые не набрасывались сразу. Всё шло медленно. Сначала никто не понял, что это болезнь — списали на осеннюю хандру, на усталость, на то, что люди в этом городе и так ходят с лицами, будто им только что сообщили о конце света. Люди просто становились другими: молчаливее, холоднее, отстранённое. Перестали улыбаться — даже тем, кому улыбались всегда. Потом перестали разговаривать — отвечали односложно, без интонации, без эмоций. Потом перестали есть — брали пищу, подносили ко рту, но не глотали, будто забывали, что с ней делать. Начинали подолгу смотреть на живых — пристально, без моргания, без движения зрачков. Не агрессивно, нет. Как на полку с книгами, которые никогда не читал. Без интереса. Без смысла.

В городе и так хватало злых и усталых — портовые груз-

чики, дальнобойщики, торговки с рынка, вечно недовольные пенсионеры. Первые признаки списали на осень, на авитаминоз, на магнитные бури. Никто не связал это с портовой бригадой, которая исчезла в ту ночь без следа. И с тем, что люди в некоторых районах начали «выключаться»: стояли посреди улицы с открытыми глазами, но без движения — как манекены, забытые в витрине. Через пять, десять минут — встряхивались и шли куда-то. Медленно. Равномерно. Словно их вела невидимая нить, натянутая в одну точку на карте.

****Первый труп — на Семёновской, в 14:37.****

Продавщица из «Продуктов 24», Зинаида Ивановна, пятьдесят два года, вес за сотню, характер под стать весу — громкий, властный, с матерком. Она умерла за прилавком, опершись локтями на стекло, в котором отражалась колбасная нарезка. Сердце остановилось в одно мгновение — без боли, без крика, просто перестало быть. Вскрытие потом покажет: причина неизвестна. Коронарные сосуды — чистые, как стекло. Кардиограмма за предыдущий год — без замечаний. Здоровая, как лошадь, курила по пачке в день, работала в две смены, больничных не брала. И вдруг — хлоп, и всё.

Через тридцать восемь минут она поднялась.

Студент-третьекурсник Коля Кузнецов тянулся за чипса-

ми на нижней полке, когда Зинаида перегнулась через прилавок — медленно, неловко, как марионетка с обрезанной ниткой. Она укусила его за шею. Не как в кино — не с рыком, не с бешенством. Аккуратно. Почти нежно. Отодвинулась. Посмотрела ему в глаза. Ни улыбки. Ни злобы.

— Извините, — сказал Коля, не понимая, что кровь заливает воротник его растянутой толстовки. — Я деньги забыл.

Он сунул руку к шее, увидел пальцы в красном. В глазах — детский испуг, тот самый, который бывает, когда падаешь с велосипеда и не можешь вдохнуть. Коля открыл рот, но вместо слов — хрип. Кровь тонкой струйкой текла по ключице, пятная белый принт с надписью «Я люблю физику».

Зинаида не ответила. Она укусила второго — толстого мужика в кожаном пиджаке, который ждал очередь. Потом третьего — девушку с синими волосами, которая набирала сообщение в телефоне. Девушка выронила телефон, экран разбился о кафель, и последнее, что она увидела, — это глаза Зинаиды Ивановны. Чёрные, как мазут. Без отражений.

К тому моменту, как вызвали полицию, в ларьке лежало пятеро. Двое уже не двигались. Остальные — тоже перестали, но через минуту начали вставать. Тётя Зина шла по Семёновской на восток. За ней — крики, сбитые прохожие, лу-

жи крови на асфальте. Укусы были глубокими — до мышц, до сухожилий. Следы зубов не заживали, а чернели на глазах.

К вечеру паблики пестрели заголовками:

«Женщина нападает на людей в центре! Похожа на наркоманку. Держитесь подальше».

«Очевидец: она не кричала, просто кусала. Как зомби, блядь».

«Врачи скорой ничего не понимают. Говорят, похоже на бешенство, но без пены».

Никто не написал про серую кожу. Про чёрные губы. Про глаза, которые смотрели не на жертв, а сквозь — туда, где в порту, за пять километров отсюда, открывали синий контейнер с номером 47—19. Никто не связал укусы с той ночью.

К тому времени в городе было уже не пять трупов. Семьдесят два. Сто восемь. Счёт шёл на часы, а к полуночи перевалил за триста. Скорая не успевала — вызовы сыпались пачками, диспетчеры срывали голоса. В приёмных покоях больниц лежали люди с укусами, но никто не знал, что делать: антибиотики не работали, перевязки не помогали, раненая плоть темнела и начинала издавать тот самый сладковато-гнилой запах — формалин вперемешку с переспелыми манго. Больные через час вставали и уходили, не обращая внимания на медсестёр и охранников. Если их пытались

удержать — кусали. И уходили дальше.

Через час после первого случая — остановка «Дальпресс». Женщина с коляской, лет тридцати, в пуховом пальто, которое было ей велико на два размера, укусила прохожего, потом ещё одного. Она не бросала коляску — она поставила её аккуратно, как ставят сумку с продуктами, и ушла на восток. Ребёнок, девочка лет двух, сидела на мокром асфальте и плакала. Коляска валялась на боку, из неё выпала погремушка. Полиция приехала через пятнадцать минут — нашли только ребёнка и коляску. Женщины не было. Она уже вливалась в поток других заражённых, которые шли по Партизанскому проспекту, не ускоряясь, не замедляясь.

Через два часа скорая начала фиксировать массовые остановки сердца. Люди падали на улицах, в метро, в офисах, в очередях за хлебом. Без симптомов, без боли — просто сердце переставало биться, и тело оседало, как сломанный стул. Через несколько минут — ровно через три-четыре — они вставали. И шли. Не оглядываясь, не спотыкаясь, даже если переломы, даже если вывихи. На восток. К порту. К тем самым контейнерам с надписью «MEDICAL SAMPLES. FRAGILE. STORE +2...+8° C», которые уже пустовали, но всё ещё хранили на стенках отпечатки ладоней.

Власти перекрыли дороги. Это ускорило.

Заражённые не пользовались транспортом — они шли пешком, и когда перекрытия преграждали путь, они обходили через лес, через пустыри, через речки. Они не ели, не пили, не спали. Не чувствовали холода — шли в лёгких куртках по ноябрьской слякоти, босиком, без шапок. Не чувствовали боли — переламывали ноги, скользили на льду, вставали и продолжали. Их никто не останавливал. Остановить можно только того, кто ещё жив.

Военные выставили кордоны на въездах в город. БТРы встали на Корабельной набережной, солдаты с автоматами, в бронежилетах, смотрели, как мимо них проходят серые фигуры. Они не стреляли — приказа не было. Приказ пришёл через час: «Сдерживать, не пропускать в портовую зону». Но сдерживать было некого — заражённые просто игнорировали кордоны. Они шли сквозь оцепления, как сквозь туман, и солдаты, глядя в эти чёрные глаза, сами начинали пятиться. Один молодой лейтенант попытался толкнуть женщину с серым лицом — она даже не остановилась, просто прошла сквозь его руки, оставив на униформе влажный след. Лейтенант потом три часа оттирал его спиртом, но запах не уходил.

К вечеру четвёртого дня в порту собралось уже несколько тысяч заражённых. Они не толпились, не шумели — стояли рядами, как на параде, лицом к пирсу, где когда-то стоял си-

ний контейнер. Стояли и ждали. Чего? Никто не знал.

В больницах начинался ад.

Врачи работали без смен, без отдыха, с пустыми глазами и дрожащими руками. В реанимации номер шесть, в краевой клинической, лежало двадцать три человека с укусами. Двадцать два из них через час встали и ушли, ломая двери. Двадцать третий — пожилой ветеран, на которого укусов не было, но он просто перестал дышать в четыре утра и через четыре минуты открыл глаза. Он не встал, он сел, посмотрел на медсестру, которая держала ему руку, и сказал: «Тихо. Всё тихо». Потом улыбнулся — впервые за пять дней — и вышел через окно. С пятого этажа. Приземлился на клумбу, встал, отряхнулся и пошёл на восток.

Хирург Карелин, тридцать лет стажа, видел всякое: минно-взрывные, огнестрельные, ампутации без наркоза. Но когда к нему привезли первого укушенного — парня с планшетом, того самого, прыщавого студента, которого Серый бросил в порту, — он потерял дар речи. Парень был жив, но глаза уже потемнели, а на шее чернел след от зубов, который пульсировал, как второй пульс. Карелин попытался иссечь некроз — скальпель скользил, ткани не поддавались. А парень сел на столе и сказал: «Не надо, доктор. Всё равно уже». И ушёл. Карелин потом не мог заснуть три дня. Он звонил

в СЭС, в институт эпидемиологии, но там только отшучивались: «Доктор, вы устали, возьмите отпуск».

Город захлёбывался паникой.

В магазинах сметали крупы, воду, бинты. Аптеки закрылись первыми — провизоры сбежали, оставив витрины пустыми. В некоторых районах начались грабежи — отчаянные люди тащили из супермаркетов всё, что можно продать или съесть. Но грабители быстро становились заражёнными — достаточно было одного укуса, одного прикосновения от серого человека, чтобы через час ты уже шагал на восток, не чувствуя ног.

К утру пятого дня город молчал. Не было ни машин, ни голосов, ни сирен. Только ветер, который нёс запах — сладковато-гнилой, маслянистый, тот самый, который Серый узнал в первую ночь. Он уже не исходил из порта — он поднимался из канализации, из подвалов, из вентиляционных шахт. Он был повсюду.

На центральном вокзале сидела женщина с ребёнком на руках. Ребёнок не плакал — он смотрел в сторону порта и улыбался. Мать трясла его: «Андрюша, что с тобой?» Мальчик повернул голову — не шею, а именно голову, на девяносто градусов, с тем самым сухим хрустом — и сказал: «Ма-

ма, там тепло. Там все свои».

Женщина закричала, но крик утонул в шуме ветра. Через минуту мальчик выскользнул из её рук, как мыло, и побрёл на восток. Мать побежала за ним, споткнулась, упала, встала — и пошла следом. Не догоняя. Просто рядом. И её глаза уже начали темнеть.

Они не нападали на живых, если живые не мешали. Они шли. Шли к воде, к железу, к тому месту, где в ноябрьский ливень открылась дверь. Те, кто пытался их остановить, — получали укусы и через час становились такими же. Те, кто прятался, — слышали, как за окнами проходит бесконечный поток шаркающих ног, и запах просачивался сквозь щели, забивая лёгкие.

Город умирал не от огня и не от взрывов. Он умирал от тишины. От пустоты. От того, что люди переставали быть собой и становились проводниками для того, что жило в синем контейнере.

И никто — ни военные, ни врачи, ни чиновники — не знал, что это. Называли «вирусом», «психозом», «массовым помешательством». Но вирусы не пахнут формалином, не оставляют на стекле отпечатки ладоней и не заставляют мёртвых идти на восток. Вирусы — это биология. А здесь

была... вера. Или призыв. Или просто память о том, что уже однажды открыли и не закрыли.

На шестой день порт опустел. Заражённые ушли в воду — медленно, не боясь холода, не захлёбываясь. Они вошли в залив и исчезли под серой гладью, как стая рыб, как сон, который не помнишь. В городе остались только пустые дома, грязные улицы и запах, который будет стоять до весны.

Но это было только начало.

В проливе Босфор Восточный, на глубине сорока метров, под слоем ила и тины, лежало множество тел. Они не разлагались — они ждали. Их глаза светились слабым зелёным светом в черноте, и иногда, по ночам, рыбаки видели, как вода светится изнутри.

А на пирсе, где когда-то стоял контейнер 47—19, сидел человек. Серый. Он ждал, когда его позовут. И знал: звонок будет ровно через семь дней, в ту же минуту, когда начался дождь. Он ждал с закрытыми глазами и слушал, как в груди у него бьётся второе сердце — холодное, медленное, чужое.

Оно тоже ждало. И считало часы до прилива.

Глава 2

Слухи о «тёмном контейнере» разлетелись быстрее, чем само заражение. И оказались даже живучее — они пережили первых заражённых, пережили отключение интернета в трёх районах, пережили попытки властей всё зачистить и назвать «вспышкой неизвестного энтеровируса». Слухи не нуждались в электричестве. Они передавались шёпотом в подъездах, в очередях за водой, в туалетах офисов, где люди прятались от серых фигур. Они росли, как плесень на сырых стенах, и впитывались в память быстрее, чем любая официальная сводка.

В телеграме, в соцсетях, в очередях и курилках рождались версии одна другой краше.

Одни говорили: контейнер заказал московский бизнесмен по кличке Теневой — человек без прошлого, без фото, без фамилии, но с деньгами, которых хватило бы на маленькую страну. Заказ был личным, без посредников. Он хотел «вечный двигатель» — не для машин, для себя. Говорили, он болен, и ему нужна была чужая жизнь, чтобы продлить свою. Но контейнер пришёл с ошибкой — внутри оказалось не то, что он заказывал. Или то, но в дозе, которая ломает всё.

Другие уверяли: это китайская разработка, подарок от товарища Си — биологическое оружие для «контроля населе-

ния», тестовый запуск перед выборами. Эксперимент, который должен был заставить людей бояться и подчиняться, но вышел из-под контроля. Якобы в порту работал китайский координатор, и он исчез в ту же ночь, что и Серый.

Третьи — американская, засланная через Филиппины, с пометкой «для полевых испытаний в условиях влажного климата». Якобы она уже проходила тесты в Африке и Юго-Восточной Азии, но там её сдерживал климат, а здесь — ноябрьский дождь и солёный воздух — она активировалась на полную.

Какой-то мужик у полки с гречкой (гречку сметали вторые сутки, хотя военные раздавали пайки) уверял, что это инопланетный грибок с метеорита, а контейнер — просто легенда. Потом он же, через час, смотрел на прохожих с пустыми глазами и молчал — у него на шее уже чернел след от укуса. Никто не запомнил его лица.

Большинство только пожимало плечами:

— Семь с половиной миллионов баксов за пустые ящики не платят. Если бы там был вирус, он бы вскрылся ещё при погрузке. Если бы оружие — его бы везли в спецконтейнере с охраной. А это — обычный синий ящик, как для бананов. Значит, внутри было что-то, что не нужно было трясти и проверять. Что-то, что уже не боится сканеров.

В тёмном завозе правило одно: чем дороже товар, тем тише его везут. Никто не выбрасывает такие деньги, чтобы привлечь таможенню, полицию и сканеры. Тишина — это и есть цена. А этот груз пришёл слишком громко — его ждали на точке, о нём знали диспетчеры, шкиперы, грузчики. Слишком много ушей для «особого» груза.

Значит, тот, кто его заказал, хотел, чтобы о нём узнали. Или ему было плевать на последствия. Или он знал, что последствия будут не для него.

Через неделю после вскрытия у 47-19-синего перестали работать не только сканеры на въезде в порт. Связь в трёх районах легла — мобильная, радио, даже проводные линии давали только шипение, будто кто-то постоянно дышал в трубку. Законы физики — тоже. Компасы вращались как бешеные, часы показывали разное время в соседних домах, а зеркала в квартирах, выходящих на восток, начинали запотевать без причины. И, похоже, сбились какие-то базовые настройки реальности — люди видели тени, которые не принадлежали телам, слышали шаги в пустых коридорах, а в мёртвой тишине порой проступал тот самый мокрый кашель, будто из-под земли.

Очевидцы рассказывали друг другу, передавая из уст в уста, как дрожащими голосами:

— Я видел, как заражённые прошли мимо ребёнка. Он сидел на скамейке и плакал, а они обходили его, как воду. А потом — мужик, который упал с крыши, — они подошли к нему, посмотрели, и один наклонился и укусил его в плечо. Но мужик уже был мёртв — он разбился насмерть. Они же не едят мертвецов. Они просто... отмечают.

Слухи обретали форму правил. Правило первое: заражённые не трогают тех, кто не видел смерти своими глазами. Тех, кто никогда не стоял у постели умирающего, кто не держал руку человека, который уходит, кто не смотрел в глаза, где гаснет жизнь. Они проходили мимо таких — равнодушно, как мимо столба. Будто у них внутри стоял запрет: невиновных не трогать. Но если человек хоть раз заглянул в глаза умирающему — пусть даже на экране, в новостях, в кино, — за ним уже приходили. Сначала один. Потом двое. Потом десять. Не бежали, не спешили. Просто шли следом, на расстоянии, не сводя чёрных глаз с затылка. Они не торопились. Они знали, что жертва не уйдёт далеко.

Правило второе: заражённые помнят лица. Каждую обиду, каждую несправедливость, каждое зло, которое человек совершил, даже если он сам забыл. И они ищут тех, кто сделал им больно, — даже если те уехали за тысячи километров. Даже если те уже мертвы. Один дальнбойщик рассказывал,

как ехал через Хабаровский край и увидел на трассе группу серых — они шли не к порту, а в обратную сторону, в тайгу. Он остановился, спросил у местных: «Куда они?» Ему ответили: «Ищут одного. Он три года назад изнасиловал девушку в посёлке. Она укусила его перед смертью. Теперь они идут за ним. Найдут — и всё». Через три дня того мужика нашли в тайге с укусами по всему телу. Он был ещё жив, когда его откопали, но уже серый.

Слухи были страшнее, чем то, что показывали по телевизору, пока телевизор не отключили. Потому что слухи оказывались правдой. Каждый случай подтверждался — не сразу, не официально, но через знакомых, через записи камер, через отчаянные сообщения в обход блокировок. Люди перестали верить новостям, но верили тому, что шептали соседи. И соседи шептали: они не бессмысленны, они чувствуют, они выбирают. Это не эпидемия. Это суд.

В центре города появились «пятна» — участки, где заражённые стояли плотными группами. Не двигались, не реагировали. Молча. Глядя на восток, на залив, на порт. Полиция называла их скоплениями и пыталась оцеплять, но оцепления не держались — солдаты сами разбегались, глядя в эти глаза. Горожане — садами памяти. Говорили, что в этих пятнах температура воздуха на три-четыре градуса выше, чем вокруг, и воздух пахнет так же, как в портовую ночь. Там не

было ни птиц, ни собак, ни даже мух. Только тишина и запах.

Казалось, серые фигуры не угрожают. Они просто помнят. Всех, кого укусили. Всех, кто умер. И тех, кто выжил, но теперь ходит с таким же пустым взглядом — потому что знает: когда-нибудь они придут и за ним.

По ночам в «пятнах» слышали шёпот. Не слова — ритм, как пульс, как морской прибой. Кто-то утверждал, что это они общаются друг с другом, что у них есть общий разум, одна память. Кто-то говорил, что они просто пересказывают тот контейнер, открывают его заново в головах. И когда шёпот становился громче, в воздухе появлялись отпечатки ладоней — на стеклах, на стенах, на лицах. Их невозможно было стереть, они исчезали только с рассветом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.